

ПРИЯТНО ТЕАТРАЛЬНОМУ человеку приехать в сентябрьскую Москву. Афиши, анфисы, рекламные открытия сезонов, ближайшая премьера, новые имена... Согретый этими обещаниями, он становится в очередь к театральной кассе и стоит, и улыбается дождю, как майскому солнцу...

Новый сезон «берет старт». Сердце театра замирает в ожидании. И может, право, в неурочный час решил я печатать эти свои заметки, — грядущие премьеры, и для меня загадка. Но как хочу я, читатель, чтобы в сутонке московских премьер ты забронировал вечерок или воскресное утро для театра, у которого нет рекламы, куда не купишь билет заранее и не достанешь через знакомого администратора. Чтобы попасть в этот театр, нужно вспомнить молодость...

Студенческих театров в Москва много, и они такие же разные, как настоящие. Среди них — свои традиционалисты и новаторы, театры, уже обретшие известность и только мечтающие о ней. Но одно главное свойство, я заметил, присуще всем. Театр для молодых артистов — менее всего развлечение, средство заполнить досуг. Театр для них нечто большее, — та же жизнь, особая ее форма. Артисты здесь — философы и страстные полемисты. И уже само понимание и искусства, его места, назначения, его общественной функции делает, на мой

Бrecht задает артистам сложные задачи, он как бы приглашает каждого в соавторы. Заманчиво, но и, ох, как нелегко, ведь мысль Breхта, слово Breхта нельзя присвоить, его надо вторично родить, самому. И как тут не подивиться, что молодые ребята (среди них первым номером, конечно, В. Зобин — Артуро Уи) смело приняли «предложение автора» и сыграли его замечательное произведение от себя, сыграли страстно, убежденно.

Кстати, сейчас этот спектакль московские студенты показывают в Загреб на Международном фестивале студенческих театров. Очень хочется предсказать им успех...

бели, грима, света) — это образ-намеки, образ-метафора. Поэтому режиссеру очень важен наш зрительский талант, наш, так сказать, театральный слух. (В скобках замечу, что театральный слух — не редкость, не какой-то особый дар природы, он сидит в каждом из нас еще с детства, когда мы были мечтателями и фантазерами. Только театры редко обращаются к нашему слуху).

Драматургический материал, решенный через образ-метафору, предстает перед зрителем как бы крупным планом, подчеркнuto значительным. В самой природе театральной метафоры, в ее условности заключена возможность некоторой абстрагированности, обоб-

и девочки идут на вас и нестройными голосами поют «Идет война народная...». И больше ничего не происходит, не гремит, не светится, но мысль о войне пронзает вас навсего, и сердце сжимается от боли.

Образ-метафора ставит перед исполнителями необыкновенно сложные творческие задачи: лишенный всех вспомогательных средств, актер должен создать характер лишь через общение с партнерами, при этом с кинематогра-

фической быстротой меняется характер и цели каждого нового куска роли. В «Чистых прудах» яркие характеры: Б. Чунаев (Павлик), В. Жоров (Оська), Г. Седов (Сережа), Т. Константинова (Нина), И. Жолудева (Катя), А. Косовишкина (Женя). Вот уж где без «профессиональности» не обойтись. Впрочем, кто знает. В спектакле, о котором я рассказываю совсем коротко, меня поразил актер, а потом я узнал, что это его первые шаги на сцене...

Театральный коллектив Московского станконструментального института существует недавно — меньше года. Но, несмотря на свою молодость и малолетность, театр обратился к интересной и довольно сложной пьесе И. Штока «Божественная комедия». Режиссеры В. Зобин и И. Мирзоянц не повторяют решения, предложенные другими, профессиональными театрами, — они ищут свое. Пьеса И. Штока для них — не комедийный паравоз библийской легенды о сотворении мира и человека, а острый разговор о современных проблемах. Спектакль оформлен условно, авторы ограничиваются лишькупным намеком на место действия. А рядом с этой условностью — кадры кино. Такое сочетание вызывает интересный комедийный эффект; жаль только, что режиссеры слишком робко пользуются этим приемом. Спектакль получился какой-то угловатый, как подросток, который то вовсе робок, то криклив непомерно. Зато актерская работа А. Механько (он играет Создателя) поражает именно своей законченностью, завершенностью, цельностью. Мягкая ирония над своим героем, необычным и одновременно слишком человеческим, похожим на всех смертных и земных, делает эту роль очень смешной и злой.

Конечно, я рассказывал не обо всем, и наверное, не так четко, как это сделал бы настоящий критик, хотя, сами видите, — старался. Но, если вы полюбите студенческие театры, как люблю их я, мы вернемся к разговору о них. И быть может, дажеведем «малую» театральную афишу.

До встречи на премьерах.

Ваш ЖИХАРЕВ.

АФИША НЕДЕЛИ

взгляд, самостоятельные студенческие театры явлением значительным.

Студенческий театр Дома культуры гуманитарных факультетов МГУ каждый истинный театрал мысленно причисляет к свободной афише московских театров. Несколько лет назад студенческий спектакль «Такая любовь» (с Ией Савиной в главной роли) по справедливости был назван «гвоздем» театрального сезона. И нынешняя работа — «Карьера Артуро Уи» Бертальда Breхта — астряхнула, азбудоражила всю Москву. К ней отнеслись серьезно и зрители, и критики, и мастера искусства.

Постановщики — народный артист СССР С. Юткевич и М. Захаров решили пьесу Breхта как балаган, жалкий и трагический. Уи и его банда достаточно страшны, особенно, когда в их руках оружие, — они уничтожают всех, кто пытается выступить против. И вместе с тем это — ничтожные, жалкие, мелкие личности: все их возня очень смешивает на трюкшоповый балаган, на дешевый фарс разжженных. Каждый из них, и прежде всего сам Уи, ничтожен. Если бы нашлись активные силы, борющиеся с Уи, его карьера могла бы не быть.

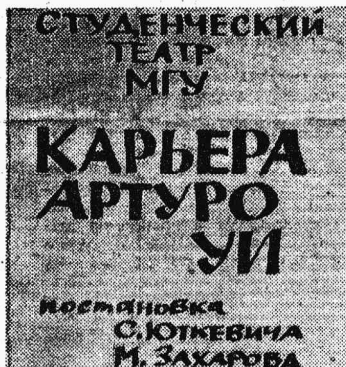
Стилистика спектакля, проведенная через все его компоненты, воспринимается как цельная и органичная. Оформление С. Юткевича, лаконичное и броское, вызывает в памяти цирковую арену. Как в цирке или в балагане, здесь использован духовой оркестр.

Фестиваль студенческих театров! Извольте видеть: во всех странах студенчество штурмует театральный олимп. А ныне студенческие театры Москвы не только, как говорится, на пятки наступают профессиональным, но, бывает, и вперед забегают.

Посмотрите спектакль молодого театра Московского энергетического института «Чистые пруды» (Велла Ахмадулина по рассказам Юрия Нагибина, сценическая композиция Я. Губенко), и вы поймете, что я это не выдумал. Возможно, имя режиссера Я. Губенко вам уже знакомо, и мне нет надобности говорить, что два его предыдущие работы «В дороге» и «Большая руда» были настолько яркие и необычные, что критики выразились как-то однозначно: талант! (А слово это, если вы заметили, у нас не обиходное, театральные люди стараются как-то обходиться без него). Так вот, спектакль этот — спектакль определенных постановочных принципов, точной сценической формы, спектакль, я бы сказал, «режиссерский».

Главное оружие режиссера — театральная метафора. Мысль каждого отдельного эпизода и всего спектакля Я. Губенко стремится раскрыть через пластический образ. Но пластический образ несколько необычен, своеобразен — он не несет иллюстрационных примет места и времени действия (ведь режиссер отказывается от декорации, ме-

щенности мысли. Все события, поступки и слова действующих лиц приобретают как бы некоторую недосказанность, второпленность — и отсюда значительность. Выразительная деталь подчас говорит больше, чем подробная, обстоятельная иллюстрация.

Вот крохотная сценка, массовая. Эмоциональное потрясение от нее было так велико, что потом я не мог поверить самому себе. Казалось, уже столько раз в кино и театре показывали проводы на войну. А тут буквально «голыми руками» режиссер строит сцену: двумя незатянутыми рядами мальчишки